

Кубой и её лидером Фиделем Кастро я «заболел» на первом курсе историко-филологического факультета ТГУ в 1959 году. Тогда я был в числе миллионов советских людей, восхищённых победой «барбудос» под носом у США и очень далеко от СССР. Имя Фиделя Кастро часто слышалось по радио, печаталось в газетах, о нём говорили томичи в повседневной обстановке. Воспитанные в марксистско-ленинской революционной и интернациональной идеологии, мы в кубинской революции и её лидере Фиделе Кастро увидели «братьев по разуму» и искренне радовались новым далёким друзьям. Нас, студентов, особенно привлекала революционная романтика «барбудос» в горах Сьерра-Маэстро. Летом 1962 года в Сочи на каникулах я познакомился с кубинцем. Посланное ему из Томска письмо вернулось мне из Гаваны, видимо, из-за Карибского кризиса. Этот вернувшийся из Гаваны конверт я храню и сейчас.

Моё увлечение кубинской революцией оказалось столь сильным, что, окончивая ИФФ, я написал студенческую дипломную работу по теме «Антифеодальный и антиимпериалистический этап кубинской революции» и защитил её на «хорошо». Конечно, она была наивной, так как базировалась на отечественных материалах, но я вложил в неё свою душу советского студента.

По идейно-политическим мотивам моя тема была поддержана «сверху», и Томский горком ВЛКСМ 2 июня 1964 года наградил меня «Похвальным листом» за научно-исследовательскую работу «Социально-экономические предпосылки кубинской революции». Этот документ я храню. Будучи ассистентом кафедры научного коммунизма ТПИ, я серьёзно занялся историей Кубы, намереваясь защитить кандидатскую диссертацию по кубинской революции 1959 года. Для этого я стал самостоятельно учить испанский язык, купив необходимые учебные пособия. А для углублённого познания истории Кубы, её революции, я выписывал из Гаваны орган ЦК КП Кубы газету «Granma» и «Juventud Rebelde» («Повстанческая молодёжь»), газету кубинского комсомола. Выписывал журналы «Куба», выходявший в СССР на русском языке, и «Латинская Америка», орган института Латинской Америки. В 1967 году кафедра посылала меня в Москву, в институт Латинской Америки для работы в библиотеке института и установления необходимой связи с учёными этого института по истории Кубы.

К великому сожалению, от большого напряжения глаза у меня заболели, и я не смог продолжить и завершить начатое исследование. Но интерес к Кубе я сохранил и стал его реализовывать на другом уровне. Я участвовал во всех викторинах, проводимых журналом «Куба» совместно с нашей «Комсомольской правдой». «Комсомолка» однажды писала о моём участии в конкурсах и о том, что мои ответы, оформленные в альбом, вместе с ответами других участников конкурса были отправлены с «сумкой дружбы» на Кубу.

Главным призом победителя конкурса была бесплатная поездка на Кубу. Это и заставляло меня бороться за главный приз.

Как нештатный член общества «Знание» я часто выступал с лекциями по международному положению на предприятиях Томска и для жителей районных центров нашей области. Конечно же всегда уделял внимание Кубе. Тема кубинской революции всегда привлекала слушателей как моей живой эмоциональной речью (я никогда и никакую тему не читал по заготовленному тексту, чем многие лекторы страдали), так и большой непохожестью её на нашу Октябрьскую. Тем более, что я давал слушателям информацию и по кубинским источникам, что в условиях информационного голода значило очень много.

Слушателей очень интересовали личности Фиделя Кастро и Эрнесто Гевары, этого аргентинца, получившего кубинское гражданство за выдающийся вклад в победу кубинской революции.

То было время огромного искреннего авторитета Кубы и Фиделя Кастро в нашей стране. Ещё бы: социализм по ту сторону Атлантического океана и рядом с самой могущественной капиталистической державой – США! Отражением этого авторитета была расшифровка в народе слова «КУБА» как «Коммунистическая Угроза Берегам Америки» или «Коммунизм У Берегов Америки». А Фиделя Кастро по сходству звучания в русском языке называли Федя Костров.

Хорошо зная историю Кубы (со времён её открытия Колумбом, её многолетнюю борьбу против испанского колониализма, а затем против неоколониализма США), я регулярно, по случаю юбилейных дат, посылал телеграммы в посольство Кубы в Москве и в Гавану самому Фиделю Кастро.

Однажды в 1969 году я получил из канцелярии Фиделя Кастро конверт, в котором была оригинальная открытка с коротким текстом на испанском языке и с кубинским гербом. На мой запрос в кубинское посольство мне ответили, что «этот документ является поздравлением с Новым годом, которое Вам послал наш Первый Секретарь Компартии и Премьер, Майор Фидель Кастро». Конечно, этот документ я храню как особую реликвию.

Я хотел стать членом Общества советско-кубинской дружбы, которое возглавлял Юрий Гагарин, но мне ответили, что индивидуального членства в Обществе нет, есть только коллективное.

Зная моё увлечение Кубой, коллеги по кафедре – и не только они – при встрече приветствовали меня словами «Viva Cuba! Venceremos! (Мы победим!)» и поднимали вверх сжатую в кулак правую руку. У меня возникла мысль побывать на Кубе, и я этой мыслью делился со многими. Мне советовали сначала побывать, например, в Монголии, зарекомендовать себя в глазах КГБ положительно, а уже потом думать о поездке на удалённую от СССР Кубу. Но такой совет я отверг и стал собирать необходимые характеристики сразу на Кубу. Трудность для меня была в том, что я не был членом КПСС. К тому же меня уже увольняли с кафедр общественных наук двух вузов (политехнического и педагогического) за допущенные идейно-политические ошибки, как они тогда понимались. Но, слава богу, оформляли как переход на другую работу по собственному желанию. В 1977 году, когда я собирал нужные характеристики, я работал учителем истории и обществоведения в вечерней школе рабочей молодёжи №1 (ул.Р. Люксембург), в коллективе которой зарекомендовал себя с самой положительной стороны.

Нужные характеристики я всё же собрал, в том числе главную, текст которой заканчивался словами: «Ленинский райком КПСС рекомендует т.Пензина Владимира Фёдоровича для поездки на Кубу».

Каждому будущему туристу предлагали на выбор заплатить от 300 до 500 рублей для личных расходов на Кубе. Я заплатил по максимуму, то есть 500 рублей.

Перед отъездом группы туристов из Томска и области в здании Томского обкома КПСС был проведён инструктаж о правилах поведения советского человека за границей страны, о чём можно и о чём нельзя говорить, если будут иностранцы спрашивать. Особо подчёркивалось, что если будут интересоваться, что такое Томск-7, то надо отвечать, что это обычное почтовое отделение под №7. Сейчас такая инструкция слушается как анекдот, но тогда это было очень серьёзно. Последним из инструкторов выступал представитель Томского КГБ. И начал он своё выступление перед группой туристов с меня. «С вами едет на Кубу Пензин Владимир Фёдорович, – говорил он, – хорошо знающий историю страны и даже связанный с кубинским посольством в Москве. Мы его заранее предупреждаем, чтобы он не брал с собой никаких возможно заготовленных писем». Что он ещё говорил, не помню, так как меня охватила дрожь после его слов в мой адрес. Я хотел отказаться от поездки на Кубу, но мне сказали, что деньги уже возврату не подлежат.

Много лет спустя я догадался, что меня «заложил» для КГБ мой новый товарищ из Кривошеина, который тоже был в этой туристической группе и которому я предложил пожить у меня перед поездкой. Я рассказал ему о написанном письме для Фиделя Кастро. В том насыщенном идеологией обществе многие следили друг за другом и доносили «куда следует». И вот с 13 сентября по 4 октября 1977 года мне посчастливилось в составе группы туристов Томской области посетить ставшую родной для меня Кубу. Там я неплохо исполнял роль переводчика в своей группе.

Описывать пребывание на Кубе не буду, это заняло бы много места на бумаге. Но кое-что скажу. Нас поселили в гостинице «Дювиль» на набережной Карибского моря, в Гаване. Через администрацию гостиницы я передал написанное в Томске письмо Фиделю Кастро (копию его я сохранил себе).

Побывал на борту легендарной яхты «Гранма», на которой из Мексики приплыла и высадилась на Кубе группа кубинских революционеров, среди которых были братья Фидель и Рауль Кастро и аргентинец Эрнесто Геваро, вскоре получивший на Кубе знаменитую кличку ЧЕ за частое использование в своих беседах междометия «че».

В Гаване я познакомился с кубинской семьёй, где хозяйка носила непривычное для нас имя Америка. По возвращении в Томск я много лет переписывался с этой семьёй. Видимо, потому, что переписка в обе стороны шла на испанском языке, идущие ко мне письма в КГБ вскрывались, читались и грубо заклеивались полосками лент. Эти конверты, заклеенные в КГБ, я храню и сейчас.

Но вот пришло время прощаться с гостеприимной Кубой.

Поздно вечером, когда кубинское солнце зашло за горизонт Карибского моря, я один вышел из гостиницы на набережную, чтобы проститься с морем.

Море сильно штормило, рваные волны с грохотом бились о каменистую набережную, и солёные брызги долетали до меня.

Я был один в тёплом влажном полумраке. Экономя электроэнергию, Гавана была освещена очень слабо, отсюда и полумрак.

Я стал лицом к морю и в шуме морских волн громко прочёл стихи Пушкина:

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой

.....

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

Да, эти пушкинские строки прекрасно передавали мои чувства, моё настроение в последние часы пребывания на родной для меня Кубе. Покидать её мне очень не хотелось.

Свои связи с Кубой поддерживаю и сейчас. Регулярно посылаю письма в кубинское посольство по случаю важных дат в истории Кубы. Из кубинского посольства всегда получаю слова благодарности.

В декабре 2016 г. я получил электронное письмо с выражением благодарности за моё сочувствие в связи со смертью легендарного Фиделя Кастро, а в начале 2017 пришло поздравление с Новым годом, как ответ на моё поздравление кубинцев и с Новым годом и с Днём Победы Кубинской революции, которая официально отмечается 1 Января. В моей квартире в праздничные для Кубы дни звучат революционный гимн «Марш 26 июля», голоса Фиделя Кастро, Камилло Сьенфуэгоса, Эрнесто ЧеГевары, а также советские песни о Кубе, прежде всего «Куба – любовь моя».

Храню привезённые из Гаваны две тростниковые шляпы, они висят на настенном ковре более 40 лет. Большое раскрашенное полотенце с изображением кубинского пейзажа я вывешиваю на ковре в День победы кубинской революции. Храню морскую ракушку, кубинские песо и много других мелких, но дорогих мне сувениров.

Так Куба, её Фидель вошли в мою жизнь, стали частью моей биографии.